

она *хотя не велика, да мудра*, и в том могут мне все те поверить, которые чли ея на французском. . .»⁵

Но Сумароков не довольствуется этим намеком, а заставляет Тресотиниуса далее вновь повторить выражения Тредиаковского из упомянутого предуведомления: «Правда, многим покажется, что это безделка, — говорит Тресотиниус, — однако позвольте, моя государыня, сказать, что в этой безделке много дела, что я аргументально доказать могу» (с. 340). Сравним в предисловии «К читателю»: «А буде кто тому не верит, тому я способно могу доказать еще математическим методом, что я правду сказал».⁶

Другой раз сочинение Сумарокова уже непосредственно цитирует хвастливый капитан Брамарбас в ходе своего любовного объяснения перед Кларисой в XI явлении. Стишок, который ему «очень полюбился», есть отрывок из монолога Хорева («Я мнил, что я рожден к единой только брани. . .»), восходящий в свою очередь к словам Ипполита, персонажа из трагедии Расина «Федра». Сумароков парочито устами хвастуна дразнит своего оппонента.

Дополнительные черты карикатурного сходства с Тредиаковским образ Тресотиниуса приобретает благодаря выведению на сцене еще двух педантов — Бобембиуса и Ксаксоксимениуса. Хотя некоторые черты облика Бобембиуса заимствованы Сумароковым у Гольберга, подлинное назначение фигуры этого педанта в комедии раскрывается в ходе спора Бобембиуса с Тресотиниусом о литере «твердо»: «которое твердо правильнее, о трех ли ногах, или об одной ноге» (с. 341). Нетрудно было догадаться, что в этом схоластическом споре с участием слуги Кимара Сумароков прозрачно намекал на научный трактат Тредиаковского «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой. . .» (СПб., 1748).⁷ Присутствие на сцене Ксаксоксимениуса сведено к реплике при подписании брачного договора. И здесь палицо высмеивание языковых особенностей Тредиаковского с его старым пристрастием к «славенскому наречью», о чем

⁵ Езда в остров любви / Переведена с французского на российский Василием Тредиаковским. СПб., 1730. С. [X].

⁶ Там же. С. [IX].

⁷ В упоминавшейся выше статье К. Розенберг содержится утверждение, что под именем педанта Бобембиуса драматург вывел личность Ломоносова, критическое отношение к поэтической системе которого, по мнению исследователя, определилось у Сумарокова уже к 1751 г. (Russian Literature. Triquarterly. Heartherway, 1988. N 21. P. 51—52). Нам представляется, что для такого утверждения нет оснований. К. Розенберг опирается в своем предположении, по всей вероятности, на мнение И. З. Сермана, считавшего, что статья Сумарокова «Критика на оду» относится к 1747 г. (см.: *Серман И. З. Ломоносов в работе над текстом «Собрания разных сочинений в стихах и прозе» 1751 года // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965. С. 127*). Об этом свидетельствует ссылка на указанную работу И. З. Сермана. На наш взгляд, вряд ли Сумароков стал бы писать свою извительную статью в тот момент, когда Ломоносов вполне благожелательно апробировал дважды его сочинения к опубликованию в академической типографии. В данной связи приводимый исследователем на странице 128 указанной статьи пример служит как раз подтверждением, что статья Сумарокова «Критика на оду» появилась не до, а после 1751 г.